

IV. Этнология

Александр Першай

Тутэйшасць как тактика культурного сопротивления: о локальности, социальной мобильности и белорусской национальной идентичности*

Означивание национальной идентичности – процесс сложный и неоднозначный. Он может включать институализацию определенной версии национальной истории, культуры, языка, территории, а также чувства национальной принадлежности своих граждан. В некоторых случаях процесс означивания своего национального «я» более сложен и требует выработки специальной терминологии. Беларусь является одним из таких сложных случаев¹. Белорусский национальный характер часто определяется понятием *тутэйшасці*, «локальности» в грубом переводе, с помощью которого поколения белорусов с конца XVIII до начала XX вв. идентифицировали себя по отношению к другим народам и странам². Эта статья рассматривает *тутэйшасць* в качестве тактики культурного сопротивления, позволяющей населению Беларуси обрести определенную степень социальной мобильности.

* Данный текст представляет собой обновленный вариант англоязычной статьи ранее опубликованной в журнале *Nationalities Papers* (2008. Vol. 36. № 1. P. 85-103). Изначальная версия «Localness and Mobility in Belarusian Nationalism: The Tactic of *Tuteishaść*» удостоена Премии Зоры Кипель за лучшую статью по белорусистике за 2008-2009 гг. от Северо-Американской Ассоциации Белорусских Исследований (NAABS).

¹ Я использую современную орфографию: «Беларусь» и «белорусский». Многие российские издания по-прежнему употребляют названия времен СССР «Белоруссия» и «белорусский», что, на мой взгляд, является актом символического насилия над национально значимым выбором независимого государства.

² Возможно, что белорусы называли себя *тутэйшымі* и в более ранние исторические периоды, хотя, сложно судить о том, насколько совпадали вкладываемые населением в этот «этноним» значения до, во время и после периода модернизации.

О значении *тутэйшасці*

На протяжении своей истории различные части белорусских земель входили в состав различных государственных образований Центральной и Восточной Европы, в том числе Великого Княжества Литовского, Речи Посполитой, Российской Империи и Советского Союза. В результате бесчисленных переделов границ и «переноса» титульных наций у разных групп населения – в том числе у разных поколений – складывалось различное, «неравномерное» понимание «своей» культуры, языка, религии, законов, литературы и т.д. Другими словами, сложно говорить о «гомогенности» белорусов, так как условия жизни и социальные возможности были неодинаковы для всего населения. Однако зачастую это чувство культурной фрагментации, подвижности границ и меняющихся правящих режимов как раз являлось тем фактором, который объединял и объединяет различные части белорусской земли и населения.

В этой связи особое значение приобретает видение Беларуси как «места» – ее территория может быть определена как в прямом, так и переносном смысле. В прямом смысле «место» – т.е., белорусские земли – осталось на том же месте, как и жившие там люди. Но в переносном смысле население Беларуси «кочевало» из государства в государство, следуя за многочисленными политическими «переделами» и преобразованиями в восточноевропейском регионе. Другими словами, части белорусского населения (причем, не всегда одни и те же группы населения), могли «проснуться» в новой стране и столкнуться с новыми национальными, языковыми, религиозными и др. идентичностями, которые им навязывались в новых условиях. Например, американский социолог Роджерс Брубейкер отмечает, что политические мирные договоры после Первой Мировой войны следовали принципу национального самоопределения, однако на самом деле десяткам миллионов людей в Восточной Европе были предписаны новые, не «свои» национальные государства, несмотря на то, что все внимание было приковано к национальным характеристикам людей и территорий³.

Войны, революции, разрушающиеся старые и сменяющие их новые государственные образования не оставляли больших шансов белорусскому населению для выражения своей политической и гражданской позиции (хотя это не значит, что белорусы смиренно принимали ту социально пассивную роль, которую им навязывали). Насильственные изменения, происходящие с белорусскими землями, способствовали не формированию, а, скорее, отторжению чувства принадлежности к какому-либо конкретному государству, религии, официальному языку и культуре. Многим белорусам конца XVIII – начала XX вв. было присуще чувство отчуждения и различия между «нами» и «ими», между католиками и право-

³ Brubaker R. Nationalism Reframed: Nationhood and the National Question in the New Europe. Cambridge, 1996. P. 6f.

славными, между беларусами, поляками и русскими⁴. В связи с этим некоторые группы населения Беларуси предпочитали именоваться *тутэйшымі*.

Смысл термина *тутэйшасць*, как и полноту этого концепта, сложно передать, тем более на другом языке. Английский термин *локальнасць* (*localness*), не охватывает весь спектр значений *тутэйшасці*. Он отражает только ту смысловую часть, которая коннотирует «место», «здесь», «тут», «local». В то время как носители славянских языков так же слышат сему происхождения, принадлежности – «отсюдасти», то, что на английском языке можно передать как *from-here-ness*.

У *тутэйшасці* нет какого-то одного конкретного толкования. Среди оттенков значения этого концепта можно выделить: различие и отчуждение от поляков и русских, состояние деполитизации и денационализации, а также особую форму культурного сопротивления и патриотизма. Некоторые исследователи связывают *тутэйшасць* с географическими перенаименованиями в регионе, начиная со второй половины XVIII в. Многие беларусские ученые считают, что термин *Літва* относился к беларусскому народу, землям и культуре, а Великое Княжество Литовское было старобеларусским государством⁵. Термин *Беларусь* стал употребляться в этом качестве гораздо позже. Этот геополитический обмен территориальных наименований отражается в интерпретации *тутэйшасці*. Например, Валер Булгаков, главный редактор беларусского культурологического журнала *ARCHE*, рассматривает *тутэйшасць* как переходное состояние между литвином, гражданином Великого Княжества, и беларусом (литвин–тутэйшы–беларус), в котором «литвин уже умер, а беларус еще не родился»⁶.

Этнограф и фольклорист Павел Шейн, работавший на сломе XIX и XX вв., определял *тутэйшасць* как форму различения и отчуждения от поляков и русских, но также отмечал связь с «литвинством»: «Селяне нашей губернии не называют себя ни русскими, ни беларусами. Некоторые представляют себя литвинами...»⁷. Американский исследователь беларусского происхождения Николас Вакар писал, что в XIX в. рядовой житель беларусского края на вопрос «Кто он?» ответил бы, что он не русский или поляк, а *тутэйшы* (*tutejšy*) или *туташині* (*tutašni*), то есть «местного происхождения»⁸. Беларусский историк и литературный критик Антон Адамович, работавший в эмиграции, отмечал, что *тутэйшыя* – «это своего рода

⁴ См., например: Weeks Th. «Us» or «Them»? Belarusians and Official Russia, 1863-1914 // *Nationalities Papers*. 2003. Vol. 31. P. 211-224.

⁵ Подчеркну, что я не оспариваю точку зрения о беларускости Великого Княжества, хотя, сложно не отметить тот факт, что баталии за символическое присвоение одного из самых больших и развитых государственных образований в средневековой Европе происходит в основном внутри беларусского интеллектуального и национального дискурсов. Для многих североамериканских исследователей Центральной и Восточной Европы такая интерпретация малоизвестна.

⁶ Булгакаў В. Мой Багушэвіч: Дыялектыка класічнага тэксту // Фрагменты. 1998. №4. <http://belintellectuals.eu/library/book/260/>.

⁷ Шэйн П. Материалы для изучения быта и языка русскаго населения Северо-Западного края, цитируется по: Насута А. Харызма тутэйшасці // *Belintellectuals*: интеллектуальное сообщество Беларуси. 28 ноября 2005 г. <http://belintellectuals.eu/publications/166/>. Примечание XV.

⁸ Vakar N. *Belorussia: The Making of a Nation*. Cambridge, MA, 1956. P. 74.

псевдоним белорусской нации, который использовался для дифференциации своих белорусов от чужеземцев, завоевывавших их земли»⁹. *Тутэйшасць* так же рассматривалась как форма патриотизма и специфический способ выражения белорусскости. Например, Констанция Скирмунт, женщина-историк, работавшая в регионе во второй половине XIX в., видела в *тутэйшасці* связь с белорусской землей и выражение патриотизма¹⁰.

В свою очередь, часть исследователей определяет *тутэйшасць* как маркер деполитизации и денационализации. Например, белорусская исследовательница национализма и гендера Елена Гапова пишет: «простые люди, жившие на белорусских землях, называли себя *тутэйшымі* и не могли называться как-то по-другому, поскольку они не были заинтересованы в выработке национального "имени", так как не имели своего собственного политического проекта»¹¹. Эдуард Дубенецкий, историк из Беларуси, отмечает, что «феномен "тутэйшасці" является своеобразным результатом предшествующей денационализации и стал (в некоторой степени) настоящей трагедией для национального сознания белорусов»¹².

Однако белорусский историк Алесь Смоленчук оспаривает интерпретацию *тутэйшасці* в качестве более низкой и примитивной формы национального самосознания. В этих целях он обращается к работам польского исследователя и правоведа Юлиуша Бардаха, который пишет: «В деревне, в первую очередь белорусской, там, где пересекались язык, вероисповедания, влияния разных культур, «тутэйшасць» означала отказ от определенного выбора, нежелание признавать свою принадлежность к тому или иному народу. Остерегались, что такой выбор нарушит традиционные формы совместной жизни [разных культур, языков и пр.] и приведет к конфликтам»¹³. Американский историк Тимоти Снайдер также отмечал, что *тутэйшасць*, скорее, была практической реакцией на сложные процессы языковой ассимиляции и дипломатичным способом «уйти» от обязательства принимать сторону либо польскоговорящей знати, либо чиновников Российской империи¹⁴.

Таким образом, *тутэйшасць* позволяет увидеть многослойность и неоднозначность деления на друзей и врагов, «наших» и «не-наших», «своих» и «чужих» в белорусском контексте. *Тутэйшасць* не индивидуальная характеристика, а способ социокультурной организации пространства в этих непростых условиях. Например, норвежский исследователь Ивер Неуманн предлагает рассматри-

⁹ Adamovich A. Opposition to Sovietization in Belorussian Literature (1917-1957). München, 1958. P. 62.

¹⁰ Скирмунт К. Цит. по: Алесь Смалянчук. «Краёвасць» у беларускай і літоўскай гісторыі. 1905-1940 г. <http://www.library.by/shpargalka/belarus/belarus/001/bel-037.htm>.

¹¹ Gapova E. On Nation, Gender, and Class Formation in Belarus... And Elsewhere in the Post-Soviet World // Nationalities Papers. 2002. Vol. 30. P. 642.

¹² Дубянецкі Э. Нацыянальная самасвядомасць беларусаў у мінулым і сёння. Цит. по: Насута. Харызма тутэйшасці.

¹³ Бардах Ю. Цит. по: Смалянчук А. Там же.

¹⁴ Snyder T. The Reconstruction of Nations: Poland, Ukraine, Lithuania, Belarus, 1569-1999. New Haven, L., 2003. P. 41.

вать формирование национализмов в Европе именно через осмысление организационной «оси» свой/чужой, где каждая система производит своего «чужого» для эффективного создания своего коллективного «мы». Неуманн отмечает, что «анализ отношений в проекции свой/чужой помогает лучше разобраться, кто является "актерами", как они устроены и действуют, а также какие условия будут для них наиболее благоприятными»¹⁵.

С этой точки зрения *тутэйшасць* указывает на непростоту отношений трудноопределяемого «мы» белорусов и многочисленных «они», боровшихся за доминирование в регионе. С одной стороны, не до конца понятно, кто именно предпочитал именоваться «своими» *тутэйшымі*, с другой – «чужие» также четко не определены. Однако эта система отношений построена таким образом, что *тутэйшасць* может «вписать» и противостоять любому новому «чужому», равно как и сохранить гибкость позиции для «своих». Белорусский исследователь Андрей Насута называет неопределенность и многозначность *тутэйшасці* ее харизмой – формой отношений, которая ничего не называет напрямую, но позволяет выразить чувство (национальной) принадлежности через осознание связанности с родной землей, традицией и духовностью¹⁶.

Отмечу, что в этой статье я рассматриваю *тутэйшасць* в контексте политических, социальных и экономических трансформаций белорусских земель в XIX – начале XX вв. и не ставлю задачей проанализировать дискурсивную сторону этих процессов как таковую. Однако необходимо уточнить некоторые аспекты того, кто, как и с какими целями производит и/или употребляет концепт *тутэйшасці*. Приведенные выше определения *тутэйшасці* представляют разные дисциплины и разные научные школы, а также интеллектуальную публицистику. Но во всех перечисленных случаях *тутэйшыя* именуют себя таким образом не сами – это делают за них исследователи или национально-настроенные интеллектуалы. Даже этнографические монографии конца XIX – начала XX вв., в которых местное население якобы говорит само за себя «от первого лица», на самом деле используют «прямую речь» для выработки и закрепления определенного видения социальной стратификации белорусского общества, и используют в этих целях академический дискурс. Тем, кто находит это утверждение противоречивым, можно предложить подумать о том, для кого и в рамках каких институций и проектов писали свои работы, например, Павел Шейн или Яўхим Карский.

Вовлеченность *тутэйшасці* в национальный дискурс еще более заметна. Например, одноименная пьеса белорусского литератора Янки Купалы, написанная в 1922 г., стала символом национального возрождения и запрещалась к показу во времена практически всех политических режимов на белорусских землях в XX в.

¹⁵ Neumann I. Uses of the Other: «The East» in European Identity Formation. Minneapolis, 1999. P. 37.

¹⁶ Насута. Харызма тутэйшасці. Белорусский этнокультуролог Алексей Дзермант определяет комплекс проблем, связанный с тутэйшасцю как метафизику. Дзермант А. Метафізика «тутэйшести» // Перекрёстки. 2008. № 1. С. 130-149.

и до наших дней¹⁷. «Тутэйшымі» в 1987 г. также называлась группа национально-настроенных литературных деятелей, чтобы подчеркнуть свою преданность идеалам Национального Возрождения¹⁸.

В пьесе Купалы также есть два персонажа – Западный Ученый и Восточный Ученый, «которые при каждом своем появлении стремятся классифицировать этот "темный" болотный народ в качестве своей (западного большого соседа [Польши] или восточного старшего брата [России]) дикой, недоразвитой ветви, подлежащей немедленному окультуриванию в соответствии с собственными национальными проектами»¹⁹. Однако можно проинтерпретировать этих купаловских персонажей в качестве иронического намека на (современных) интеллектуалов, которые концептуализируют *тутэйшых* тем или иным образом и пытаются вписать их в различные национальные и политические проекты. В этом контексте современный «многоголосый» национальный дискурс в Беларуси не является исключением²⁰: *тутэйшыя* по-прежнему не имеют в нем голоса, а, напротив, используются национально-ориентированными элитами для выстраивания нужной им аргументации²¹.

Современные дискуссии апеллируют к *тутэйшасці* с разных позиций. Некоторые склонны считать *тутэйшасць* важной частью белорусской национальной идентичности. Другие утверждают, что *тутэйшыя* «были, есть и будут»²². Третьи рассматривают *тутэйшасць* как форму до-модерной идентичности и оспаривают ее адекватность и приложимость к пост-модерной ситуации современной Беларуси²³. Наконец, есть те, кто предпочитает именоваться беларусами, а не *тутэйшымі*: например, белорусский феноменолог Ольга Шпарага пишет, «разговор о *тутэйшасці* мешает мне в поисках белорусского самоопределения потому,

¹⁷ См.: Adamovich A. Opposition to Sovietization in Belorussian Literature. P. 61-63; Беларусі пагражае «культурная рэвалюцыя»? <http://www.charter97.org/bel/news/2001/11/19/06/>; Gazeta wyborcza: «Тутэйшых» забаранілі за тое ж, за што ў 1942 годзе заплаціў жыццём Янка Купала – за беларускаць. <http://www.charter97.org/bel/news/2001/11/21/05/>; Николай Пинигин: во время политических кампаний «Тутэйшых» всегда снимали с показа. <http://www.charter97.org/bel/news/2001/12/05/36/>.

¹⁸ Zaprudnik J. Historical Dictionary of Belarus. Lanham, L., 1998. P. 207.

¹⁹ Гапова Е. О политической экономии «национального языка» в Беларуси // Белорусский формат: Невидимая реальность / Под. ред. А.Р. Усмановой. Вильнюс, 2008. С. 44.

²⁰ Pershái A. Minor Nation: The Alternative Modes of Belarusian Nationalism // East European Politics and Society. 2010. Vol. 24. P. 380-381.

²¹ См., например: Гапова. О политической экономии; Першай А. Проблематизируя гегемонию национального государства в Беларуси // Новая Эўропа. 5 марта 2007 г. <http://n-europe.eu/content/index.php?p=1262>.

²² Рудкоўскі П. Тутэйшыя - былі, ёсць і будуць // Новая Эўропа. 7 января 2007. <http://n-europe.eu/content/?p=1056>.

²³ См., например: Итоги первой дискуссионной встречи «Независимая Беларусь: пути национального самоопределения» // Новая Эўропа. <http://n-europe.eu/content/?p=842>. Обр. вн. на выступления Алексея Ластовского и Алексея Браточкина.

что эта позиция кажется мне исключаяющей самого говорящего или, если быть совсем корректной, того, кто о ней пишет»²⁴.

Тем не менее, несмотря на указанные разногласия, логика аргументов так или иначе строится «вокруг» *тутэйшасці*, что указывает на важность этого концепта для белорусского национального дискурса. Даже в тех случаях, когда *тутэйшасць* отвергается или опровергается, она все равно является важным элементом концептуализации и интерпретации белорусского менталитета, национальной идентичности, кризиса национального возрождения и пр. – т.е. всего того, что можно охватить термином «беларусскость».

В этом контексте я не затрагиваю причины, по которым привлекается та или иная интерпретация *тутэйшасці*. Можно предположить, что белорусская национально-настроенная интеллигенция придавала и придает больше значения этой форме самоопределения, чем само население Беларуси – носитель этой идентичности. Роджерс Брубейкер отмечает, что «советская и постсоветская "национальная борьба" – это не борьба самих наций, а борьба институционализированных национальных элит, то есть, элит институализированно оформленных именно как *национальные*, и нарождающихся контр-элит»²⁵. Другими словами, речь идет о символическом присвоении и разного рода использовании этой «национальной» идентичности разными интеллектуальными и элитными группами, что, разумеется, следует обсуждать отдельно.

Кто были *тутэйшыя*?

Работая с необычными концептами, привлекающимися для объяснения определенной национальной идентичности, необходимо принимать во внимание уникальность социокультурных контекстов, в рамках которых такие нетрадиционные концепты «проговариваются». Допустим, для понимания *тутэйшасці* важно видеть взаимосвязи этой категории с проблемами класса, этничности, религии, национального языка и др. в контексте Беларуси.

Исследователи XIX – начала XX вв. часто ассоциируют *тутэйшасць* с «крестьянским сознанием», т.е., как характеристику низших слоев общества (см. вышеназванные интерпретации этого концепта). В этом контексте, ср., например, вывод белорусского политолога Михаила Плиско: «Отсутствием достаточного слоя национально ориентированной белорусской элиты объясняется "тутэйшасць" белорусского народа»²⁶. Однако национально-ориентированные элиты,

²⁴ Шпарага В. Быць беларускай, альбо па-за межамі тутэйшасці // Новая Эўропа. 8 апреля 2008 г. <http://n-europe.eu/content/?p=1421>.

²⁵ Brubaker. Nationalism Reframed. P. 25.

²⁶ Плиско М. Стенограмма круглого стола политологов и ученых «Консерватизм в Беларуси: вчера и сегодня» // Адкрытае грамадства (Інфармацыйна-аналітычны бюлетэнь). 1998. № 4. <http://www.data.minsk.by/opensociety/106/3.html>.

которые также боролись за культурное доминирование на белорусских землях, составляли другую группу населения и продвигали другой национальный проект – белорусский, а не *тутэйшы*: «(...) белорусский национализм, появившийся как альтернатива русскому и польскому в условиях краха прежней литвинской концепции идентичности, стал преимущественно элитарно-интеллигентским. Он рассматривал и пытался творить белорусскую нацию по принципу "воображаемого сообщества" (термин Бенедикта Андерсона). Белорусская интеллигенция, первые поколения которой имели шляхетские корни, создавала свой "проект Беларусь" (выражение современного историка и публициста Сергей Дубавца), отличный как от прошлого белорусских земель в составе Речи Посполитой, так и от реальности тогдашнего "Северо-Западного края" в составе Российской империи»²⁷.

Именно национально-ориентированные элиты конструировали «национальный язык» в качестве основного носителя и выразителя национального чувства белорусов. Например, Елена Гапова отмечает, что белорусская писательница и деятель национального возрождения Тетка (Елоиза Пашкевич) уделяла особое внимание значимости национальной самоидентификации посредством языка в качестве основного маркера национального различия и выраженности национального чувства белорусов. В одной из своих публикаций в журнале *Жаноўкая справа* Тетка пишет, что она в конце концов поняла, что человек, говорящий *патутэйшаму*, на самом деле говорит по-белорусски, а значит он – белорус²⁸.

В этом пассаже Тетка определяет национальный язык и идентичность за *тутэйшых*, т.е., решает за них кем быть, хотя сами *тутэйшыя* могли и оспорить такую позицию. Даже если *тутэйшыя* говорили на «простонародном» языке, это еще не значило, что они выстраивали свою идентичность и чувство принадлежности в соответствии с этим языком. Например, Николас Вакар склонен считать не язык, а религию в качестве важного фактора самоидентификации *тутэйшых* (хотя сам Вакар не дает четкого определения их религиозной принадлежности)²⁹. Белорусский историк и журналист Ярослав Шимов также отмечает, что «Белорусские крестьяне не чувствовали себя принадлежащими к какой-либо нации, идентифицируя себя со своей землей, а не с культурой и языком. Отсюда самоназвание *тутэйшыя* ("местные") – белорусская форма распространенного в традиционных земледельческих обществах феномена "локальности"»³⁰.

²⁷ Шимов Я. Белоруссия: восточноевропейский парадокс // Неприкосновенный запас. 2006. № 47. <http://magazines.russ.ru/nz/2006/47/sh11.html>.

²⁸ Gapova. On Nation, Gender, and Class Formation. P. 643.

²⁹ Vakar. Belorussia: The Making of a Nation. P. 12. О сложности религиозной ситуации в Беларуси см., например: Zaprudnik. Historical Dictionary of Belarus. P. 76-81, 184; Weeks. "Us" or "Them"? ...

³⁰ Шимов. Белоруссия: восточноевропейский парадокс.

Если говорить о языке, на котором говорили *тутэйшыя*, то его также сложно обозначить³¹. Многие источники называют в этом качестве диалекты белорусского. Тем не менее, важно принимать во внимание «повседневный» полилингвизм, который также широко признается в качестве одной из основных характеристик белорусского региона. Другими словами, кроме белорусского *тутэйшыя* в своей повседневности в разной степени соприкасались с польским, русским и идишем. Я нахожу проблематичным сводить языковой потенциал *тутэйшых* только к диалектам белорусского; скорее, они если не владели, то могли объясниться, по крайней мере, на еще одном из вышеназванных языков региона. Можно предположить, что степень такого повседневного полилингвизма отличалась от местности к местности и от индивида к индивиду.

Эта точка зрения может показаться спорной, поскольку в XIX в. тутэйшыя были устной культурой (oral culture), и не многие были обучены польской или русской грамоте. «(...) Практически не было тех, кто обучался бы грамоте только по-белорусски, не было возможностей для развития белорусских изданий, и не было рынка для белорусских книг»³². В то же время, литературный канон белорусского языка был выработан лишь в начале XX в. Однако если какая-то культура не опирается на письмо и грамотность (literacy) как на систему социальной организации³³, то это еще не значит, что эта культура – монолингвистична. Поэтому, равно как спорно утверждать массовый характер полилингвизма *тутэйшых*, также проблематично сводить *тутэйшасць* к примитивному и «недоразвитому» самосознанию, что часто ассоциируется с культурами без четко выраженных литературных традиций и национальных языков.

Проблемность отношений между *тутэйшыми* и «национальным» языком Беларуси ведет к следующей группе вопросов. *Тутэйшасць*, как правило, ассоциируют с «бедным» и «необразованным» крестьянством, которое (было) не в состоянии национально самоопределиться и выработать свой политический проект. Ср., например, высказывание Николаса Вакара: «[*тутэйшы*] – это ничего более, чем сырой этнический материал; у них отсутствует самосознание, которое можно было бы рассматривать в качестве отдельной национальности»³⁴. Поэтому *тутэйшыя* всегда занимают (или от них это ожидается) нижние сектора социаль-

³¹ «Языковой вопрос» – еще одна проблемная область белорусского национализма. См., например: Brown N.A. Language and Identity in Belarus // Language Policy. 2005. Vol. 4. P. 311-332; Goujon A. Language, Nationalism, and Populism in Belarus // Nationalities Papers. 1999. Vol. 27. P. 661-677; Ioffe G. Understanding Belarus: Questions of Language // Europe-Asia Studies. 2003. Vol. 55. P. 1009-1047; Marples D. National Awakening and National Consciousness in Belarus // Nationalities Papers. 1999. Vol. 27. P. 565-578; Першай. Проблематизируя гегемонию национального государства в Беларуси.

³² Snyder. The Reconstruction of Nations. Цит. по: Шимов. Белоруссия: восточноевропейский парадокс.

³³ Использование письма и алфавита как способа культурной организации во многом обуславливает не только понимание, но и фиксацию/воспроизводство социальных схем, переданных посредством письма. Об этом пишет, например, Жак Деррида. См., например: Деррида Ж. О грамматологии. М., 2000. С. 237-290 и в др. местах.

³⁴ Vakar. Belorussia: The Making of a Nation. P. 12.

ной стратификации, оставляя более развитые сегменты социальной структуры русскоязычному чиновничеству и польскоговорящей аристократии, но также и белорусской интеллигенции, которая концептуализировала и продолжает концептуализировать эти процессы. Однако эти предпосылки полностью не объясняют условий культурного гражданства *тутэйшых*. Исключенные из политической жизни и отодвинутые на периферию белорусского общества, тем не менее, *тутэйшыя* оказались в состоянии противостоять навязыванию различных «национальных» идентичностей. Вместо этого *тутэйшыя* «уходили» от четких социальных категорий и предпочитали жить «вне» предписываемых им языков, политических режимов и религиозных конфессий.

Тутэйшасць как возможность социальной мобильности

В течение последних 250 лет Россия и Польша пытались добиться культурного и экономического доминирования на белорусских землях. В этих условиях *тутэйшасць* позволяла избегать политических и культурных конфронтаций и сохранять некую степень аутентичности. Литератор и активист белорусского национального возрождения начала XX в. Язэп Лёсик писал: «При том варварском способе обрусения, было одно спасение для своей национальной частности (*асобнасьці*): спрятаться за наименование тутэйшы, чтобы никто тебя не узнавал и принимал за того, кого ему хотелось, так как под тутэйшим можно понимать и русского, и поляка, и белорусина и кого угодно (...)»³⁵.

Николас Вакар приходит к похожим выводам о Западной Беларуси до Второй Мировой войны, на тот момент входившей в состав Польши: «Поскольку пробуждение белорусского самосознания [в начале XX в.] более не было безопасным, то простому человеку было удобнее сохранять сознание, которое можно описать как *tutejsi* (...). Пустое самосознание было лучше непольского»³⁶. Похожее чувство безопасности *тутэйшасць* давала и в довоенной Советской Беларуси, где в 1930-е гг. лидеры национального движения были физически уничтожены во время сталинских репрессий³⁷.

Язэп Лёсик обратил внимание на сложность определения того, кто же все-таки были *тутэйшыя*: белорусы, поляки, русские или кто-то еще. Однако отсутствие возможности четко определить «национальность» *тутэйшых* – еще не означает «интернационализм» и возможность вписать любую нацию в эту категорию³⁸. Скорее, «неопределимость» *тутэйшасці* работала не только в отношении чьей-то национальности, но и в отношении класса, религии, образования, места про-

³⁵ Лёсик Я. Цит. по: Насута. Харызма тутэйшасці.

³⁶ Vakar. Belorussia: The Making of a Nation. P. 132.

³⁷ См., например: Marples. National Awakening and National Consciousness in Belarus. P. 566; Гапова. О политической экономии; и у других авторов.

³⁸ Насута. Харызма тутэйшасці.

живания и др. Борьба за символическое господство в регионе между Россией и Польшей исключала население Беларуси из политической борьбы как таковой, и, возможно, поэтому классовые, религиозные и этнические различия по большому счету были не столь важны.

Например, польский историк Иоланта Сикорска-Кулеша отмечает, что давление властей в Северо-Западном Крае (беларусские земли) Российской Империи распространялось и на вышестоящие классы беларусского общества. Одним из таких механизмов социального исключения была проверка подлинности шляхетства: нужно было нанимать специального человека «для поиска соответствующих бумаг и "поддержать геральдический интерес" в столице губернии, а затем в Петербурге, где находился Департамент герольдии»³⁹. Такая процедура была доступна не всем и сильно «била» по обедневшей мелкопоместной шляхте. Проверку подлинности шляхетства можно рассматривать как успешную практику «деклассификации» беларусского дворянства в XIX в. Потеряв в новых условиях землю, а значит и статус, беларусская мелкопоместная шляхта и особенно женщины (как наиболее незащищенная группа) были вынуждены искать иные возможности выживания, которых в условиях той социальной и гендерной стратификации общества было не много. Одним из таких способов заработать и «у братьев на шее не сидеть» было работать как «барышни для прислуживания и аптечные»⁴⁰.

Такое перераспределение ресурсов и прав собственности (бывшей) мелкопоместной шляхты также влияло на крестьян, которые в создавшихся условиях были вынуждены сниматься с привычных мест и искать трудоустройство в городах. В то же время, небольшие города – *мястэчкі* – также не были этнически однородными: кроме беларусов, русских и поляков, там жили беларусские татары, евреи и другие народности. В некоторых случаях еврейское население в небольших городах Беларуси составляло до 60%⁴¹. Отмечу, что в контексте этнической гетерогенности беларусского общества *тутэйшаць* не означала «смешивание» населения. Скорее, каждая социальная группа вырабатывала свой способ социального «маневрирования», исходя из соответствующих ей условий⁴².

В XIX в. беларусская национальная идентичность регулировалась системой предписаний и институций, т.е. каждая национальность являлась синонимом четко прописанной социальной позиции. Так, мелкопоместная шляхта была вынуждена бороться за подтверждение статуса и сохранение собственности; крестьяне, работавшие на земле «деклассифицированной» шляхты, у которой не всегда была возможность эту землю сохранить, были вынуждены искать другой заработок; евреи не имели права владеть землей и селились согласно предписаниям Межи Осед-

³⁹ Сикорска-Кулеша И. Женщина в семье литовско-беларусской мелкопоместной шляхты в XIX в. // Женщины на краю Европы / Под ред. Елены Гаповой. Минск, 2003. С. 67.

⁴⁰ Там же. С. 68-69.

⁴¹ См., например: Marples. National Awakening and National Consciousness in Belarus. P. 569; Garova. On Nation, Gender, and Class Formation. P. 642.

⁴² См., например: Ігнатоўскі У. Кароткі нарыс гісторыі Беларусі. Минск, 1992. С. 170-171.

лости и т.д. Важно, что вышеназванные позиции в системе социальной стратификации стояли ниже, чем польскоговорящая знать и русскоговорящее чиновничество. Другими словами, в той системе социальных отношений национальность была не просто «этнонимом», «наименованием» – она регулировала право на доступ к определенным социальным ресурсам. Как только человек мог быть «назван» беларусом, евреем, поляком, русским и т.д., он или она становились «видимы» в системе социальной стратификации. Однако *тутэйшасць* отсутствовала в этом списке узнаваемых национальностей-предписаний. *Тутэйшасць* была (и есть) включающей (inclusive) категорией: все выше перечисленные группы независимо от национальности, класса, языка, религии или места проживания могли по своему усмотрению назваться *тутэйшымі*.

Принято считать, что индустриализация в Беларуси шла медленно, и этот регион оставался в основном аграрным вплоть до 1920-х гг.⁴³ В то же время, проблематично «отсекать» значимость влияния индустриализации как одного из проявлений модернизации на социокультурные изменения на землях Беларуси. В данном случае, я не оспариваю «неравномерность» процессов модернизации в Восточной Европе. В этом контексте важнее принять во внимание те новые условия и возможности культурного гражданства (cultural citizenship), которые пришли вместе с индустриализацией и модернизацией – новым способом производства и социальной организации. Эти условия требовали новых знаний и навыков, а также меняли «традиционное» распределение занятий, ремесел, этнических и социальных «ниш». Отмечу, что эти трансформации в различной степени влияли на население Беларуси. Возможно, что «средние» страты общества были затронуты в бóльшей степени, поскольку «заможная» шляхта экономически и символически могла защитить свой статус, а совсем бедные слои населения не обладали ресурсами, чтобы дать детям образование или просто переехать. Однако такая социальная мобильность (вынужденная или нет – это уже другой вопрос) не противоречит сущности *тутэйшасці*: даже если «тут» оказывалось в новом месте, это «передвижение» происходило «горизонтально», т.е., маневрируя и обходя борьбу между Россией и Польшей за культурное доминирование в регионе (которая происходила «вертикально»). В этом контексте *тутэйшыя* – группа населения «вне» четкого определения – имела гораздо больше шансов занять новые социальные позиции, которые пришли с индустриализацией, а, возможно, и сформировать новый класс. Социальная амбивалентность и «невидимость» *тутэйшых* избавляла от политических и социальных ограничений, от которых не могли уйти «четко-определяемые» национальности.

Во многих случаях нарастающая модернизация и индустриализация требовала полной переквалификации, перемены места жительства, а также овладения новым языком, который варьировался в зависимости от региона. В связи с чем в до-

⁴³ См., например: Marples D. Europe's Last Dictatorship: The Roots and Perspectives of Authoritarianism in «White Russia» // Europe-Asia Studies. 2005. Vol. 57. P. 900.

полнение к своему «родному» языку *тутэйшыя* осваивали языки регионально значимых политически и экономически доминирующих групп⁴⁴. Русский и польский языки предоставляли больше экономических возможностей, однако повседневное использование этих языков не означало обязательной ассимиляции и «принятия» национальной идентичности, которая, якобы, неразрывно сопряжена с языком⁴⁵. Повседневный полилингвизм *тутэйшых* был, скорее, «инструментом», дававшим больше возможностей для нахождения своей новой социальной ниши в условиях модернизации. В то же время, «качество» полилингвизма, т.е., уровень владения языками, зависело от класса и образования: образованные слои населения лучше знали и не «смешивали» языки, что позволяло найти более выгодную работу и пр.⁴⁶

В свою очередь, к началу XX в. белорусская интеллигенция уже сформировалась как особая социальная группа, которая боролась за продвижение другого – белорусского – национального проекта и идентичности. С одной стороны, борьба за белорусский национальный проект была реакцией на полонизацию, руссификацию и позднее советизацию, равно как и на гегемонию национального государства – ведущую форму социальной организации⁴⁷. Белорусский национальный проект пытался (и до сих пор пытается) представить белорусов как самостоятельную полноценную нацию, сопротивляясь уже сложившейся к тому моменту структуре, представлявшей белорусов как «полурусских» или «дефективных поляков»⁴⁸. С другой стороны, белорусский национальный проект не всегда приветствовался *тутэйшымі*, поскольку он противоречил «плохо определяемому» характеру *тутэйшасці* – он давал белорусскому населению четкую дефиницию. Наличие узнаваемости в национальных, т.е. гегемонных терминах⁴⁹ включало население Беларуси в «официальную» систему отношений с другими национально-

⁴⁴ О массовом би- и полилингвизме Белорусов см.: Шевцов Ю. Объединенная нация: феномен Беларуси. М., 2005. С. 37. Белорусский философ Валентин Акудович также отмечает, что в плане языка Беларусь никогда не будет только «белорусской» или только «русской» или «польской». Акудовіч В. Код адсутнасці. Минск, 2007. С. 141.

⁴⁵ Отмечу, что в этом контексте я говорю исключительно о Беларуси. В других случаях наций язык может играть ключевую определяющую и консолидирующую роль в национальном строительстве.

⁴⁶ О *трасянке* и смешивании языков в Беларуси см.: Gapova E. The Nation in Between. P. 68-70; Goujon. Language, Nationalism, and Populism in Belarus. P. 668; Ioffe. Understanding Belarus: Questions of Language. P. 1014-1017.

⁴⁷ О сложном характере национального строительства в Российской Империи, Советском Союзе и постсоветском пространстве пишет Роджерс Брубейкер. Brubaker. Nationalism Reframed. P. 23-54.

⁴⁸ Здесь я использую определения, использовавшиеся в независимом белорусском кинофильме «Оккупация. Мистерии», реж. Андрей Кудиненко (2003 г.). http://partisanfilm.narod.ru/mystery/mystery_main_ru.html. О фильме см.: Гусаковская Н. «Оккупация. Мистерии», или белорусов не существует // Белорусский формат: невидимая реальность / Под ред. А.Р. Усмановой. Вильнюс, 2008. С. 488-496.

⁴⁹ О гегемонии национального государства и белорусском национальном дискурсе см.: Першай. Проблематизируя гегемонию национального государства в Беларуси.

стями и странами и тем самым снижало потенциал социального маневрирования – все то, чему *тутэйшасць* изначально сопротивлялась.

Согласно американскому антропологу Сьюзан Гал, символическое господство может быть достигнуто в том случае, если заставить другие группы населения принять наименования («имена»), выработанные доминирующей группой⁵⁰. В случае *тутэйшасці* принятие «имени» *беларусы* в качестве основного средства самоидентификации населения Беларуси означало символическое признание господства тех, кто настойчиво пытался и пытается использовать это наименование – поляков, русских и даже национально-настроенной белорусской интеллигенции. А поскольку в XIX в. *тутэйшыя* были вытеснены с позиций власти, их ответом на этот акт наименования – а на самом деле, акт символического присвоения – было молчание⁵¹. Т.е. они открыто не протестовали, но отказывались использовать «чужое» имя и предпочитали оставаться *тутэйшымі*⁵². Важно отметить, что в этом контексте молчание не значит слабость. Гал утверждает, что в таких случаях молчание является «стратегической защитой от сильного у власти»⁵³. Молчание и пассивность *тутэйшых*, скорее, были формой культурного сопротивления, позволявшей этой социальной группе оставаться «неопределимыми» и мобильными.

Такая интерпретация может показаться проблематичной, поскольку она характеризует *тутэйшых* – группу, которая согласно некоторым источникам состояла из малограмотных, бедных и локально-ориентированных крестьян – в качестве организованного, настойчиво «пассивного» сопротивления польским и российским властям. Что, с одной стороны, кажется вполне оправданным – как может столь этнически, культурно и классово разнородная группа выработать какую-то общую форму сопротивления? С другой стороны, сходные формы культурного сопротивления еще не обязательно означают всеобщую мобилизацию населения – возможно, что разные группы, предпочитавшие *тутэйшымі звацца*, подвергались разным видам социального и политического давления и соответственно выработывали свои способы маневрирования «внутри» актуальной на тот момент системы отношений.

⁵⁰ Gal S. *Between Speech and Silence: The Problematics of Research on Language and Gender // Gender at the Crossroads of Knowledge: Feminist Anthropology in the Postmodern Era / Ed. Michaela Di Leonardo. Berkeley, 1991. P. 177.*

⁵¹ Здесь я использую понимание власти, предложенное Мишелем Фуко: не как конкретное правительство или режим, а как всепроникающую невидимую систему отношений, проявляющуюся посредством различных институций и дискурсивных ограничений.

⁵² В этом контексте следует различать дискурсивное молчание и немому. Молчание может быть способом сопротивления в таких ситуациях, когда обе стороны должны активно участвовать в дискурсе – молчание является своего рода оружием и властным ресурсом. Немота же сигнализирует исключение из дискурса, когда речь идет о невозможности влияния на распределение власти и принятие решений. Некоторые проблемы дискурсивного молчания, немоты и безвластия в белорусском национальном дискурсе затронуты Еленой Гаповой. См.: Гапова Е. Любовь как революция, Или «Несмотря на Грамши» Полуты Бодуновой // Травма: пункты / Под. ред. С. Ушакина и Е. Трубиной. М., 2009. С. 853-857.

⁵³ Gal. *Between Speech and Silence. P. 175-176.*

Французский теоретик Мишель де Серто критиковал те интерпретации социальных отношений, в которых маргинализированные и «невластные» страты населения однозначно лишаются «голоса», т.е. они пассивны по определению и способны лишь следовать установленным дискурсивным правилам. Де Серто утверждает, что, как раз наоборот, носители культуры имеют мощный потенциал к сопротивлению установленным предписаниям. Даже если альтернативные «траектории» действий остаются подчиненными существующим социальным структурам, они отслеживают не «охваченные» системой способы удовлетворения интересов и потребностей⁵⁴. С целью показать эту сторону отношений, Де Серто проводит различие между стратегией и тактикой, которая включает в себе потенциал альтернативного маневрирования. Стратегия полностью полагается на действующую систему властных структур – политическая, экономическая и научная рациональность конструируется на их основании. В то время как тактика, напротив, не может рассчитывать на устоявшуюся систему отношений и институций – она располагается «вне» их юрисдикции. Тактика постоянно манипулирует событиями и значениями, превращая их в социальные возможности⁵⁵. Маргинализированные группы полагаются именно на тактику – они прекрасно знают не только свое место внутри системы, т.е. те препятствия, с которыми они повседневно сталкиваются, но и способы, как эти препятствия преодолеть, выработывая альтернативные пути сопротивления. В этом контексте *тутэйшасць* является примером тактики культурного сопротивления, которая успешно использовала существовавшую систему. *Тутэйшасць* «игнорировала» политику национальной идентификации, охватившую Европу в период модернизации, а также использовала этот «не-национальный» национальный статус для обеспечения определенной степени социальной мобильности и смягчения повседневного давления правящих режимов.

Заключение

Согласно некоторым исследованиям, *тутэйшыя* – «это группа населения, которая не могла назваться как-то по-другому, а возможно была не заинтересована в выработке [национального] имени, поскольку не имела своего политического проекта»⁵⁶. Я, напротив, полагаю, что сознательный «уход» от четко прописанного «имени» и был политическим проектом *тутэйшых*. Разные группы населения Беларуси предпочитали «прятаться» за этим «малограмотным» и «бедным» наименованием, хотя, на самом деле, *тутэйшасць* как тактика культурного сопротивления помогала решать многие проблемы:

⁵⁴ de Certeau M. The Practice of Everyday Life. Berkeley, Los Angeles, L., 1988. P. xviii.

⁵⁵ Ibid. P. xixff.

⁵⁶ Gapova. On Nation, Gender, and Class Formation. P. 642.

- *Тутэйшасць* позволяла населению Беларуси отстраняться от поляков и русских, а, возможно, и от любых других потенциальных захватчиков;

- *Тутэйшасць* – это не переходная форма становления поляками или русскими, а идентичность без институализированного названия и «четкого» значения, т.е. с возможностью «корректировки» по обстоятельствам;

- *Тутэйшасць* также отражала духовные и локальные чувства принадлежности (sense of belonging) и патриотизма;

- Наконец, поскольку *тутэйшасць* было сложно контролировать, она позволяла населению Беларуси из разных социальных страт передвигаться внутри системы и занимать новые ниши, при этом оставаясь вне предписаний, ограничивающих мобильность четко-обозначенных национальностей.

Тутэйшасць может показаться политически не ангажированной формой (само)идентификации, однако она выступала как объединяющий принцип белорусского населения, который основывается не столько на национальных характеристиках, сколько на «культурном партизанстве» *тутэйшых*⁵⁷. Однако, столь широкое использование этой формы идентичности среди самых разных слоев населения Беларуси, возможно, указывает на альтернативный характер белорусской национальной идентичности.

Что, в свою очередь, проблематизирует сам концепт национальной идентичности: насколько она «национальна»? В какой степени следует полагаться на хрестоматийные, гомогенизированные, а, главное, укорененные в европоцентристском дискурсе положения о том, что каждая нация опирается на этничность, страну, язык или национализм как таковой? Роджерс Брубейкер обращает внимание, что факт существования наций воспринимается как нечто само собой разумеющееся, в то время как исследования национализма не уделяют достаточно внимания тому, как именно существует национализм. Вместо поисков ответа на вопрос «Что такое нация?» Брубейкер предлагает разобраться в том, как эта политическая и культурная форма социальной организации институционализирована в отношении с другими нациями и странами. «Каким образом нация функционирует в качестве практической категории, классификационной схемы или когнитивной рамки?»⁵⁸.

С этой точки зрения, *тутэйшасць* показывает, каким образом большие нации в регионе пытались доминировать над белорусскими землями и навязать свою систему идентичностей местному населению. В то же время, *тутэйшасць* демонстрирует, каким образом такому политическому и социальному прессингу можно сопротивляться. Поскольку этнический и языковой принцип не был основным для *тутэйшасці*, то можно предположить, что именно момент сопротив-

⁵⁷ Здесь, я использую партизанство как метафору. Некоторые исследователи считают партизанство, а главное, сопряженное с этой формой сопротивления сознание как одну из важных составляющих белорусской национальной идентичности. См. Шевцов. Объединенная нация: феномен Беларуси.

⁵⁸ Brubaker. Nationalism Reframed. P. 13, 16f.

ления – пусть он концептуализировался в других терминах – выступал в качестве «организационного начала». Скорее, чувство принадлежности у населения Беларуси к одному народу, краю, земле и культуре выстраивалось в сочетании с пониманием своих возможностей внутри системы и пассивного сопротивления идентичностям и социальным позициям, которые навязывались польскими и российскими инфраструктурами. Т.е. *тутэйшасць* как форма «национальной» идентичности основывалась не на том, кем было и откуда пошло население Беларуси, а на понимании того, как это население, пусть не сообща, но похоже действовало в зависимости от обстоятельств.

Таким образом, *тутэйшасць* представляет собой другую форму «национальной» идентичности: она указывает не на «четкость» определения и узнавания нации, а на связь представителей этой нации с их «географией» – уникальным сочетанием исторических, социокультурных и политических обстоятельств, определяющий порядок вещей в конкретном регионе. Этот аспект зачастую не принимается во внимание в дискуссиях о национальной идентичности, хотя, среди прочих, Брубейкер обращает внимание на то, что культура и территория неразрывны: «... нация строится на параметрах территории. Политическая территория производит рамку для нации, фиксирует территорию ее автономности, определяет область ее доминирования. С этой точки зрения, субъект автономии является объектом территориальной администрации. Автономия означает, что этот объект принадлежит нации, чье имя он носит»⁵⁹.

В свою очередь, *тутэйшыя* усложняют отношение между «локальной» культурой и политическим пониманием территории. Как быть, если нация в ее современном понимании никогда не владела собственной территорией в политическом смысле, для того чтобы провозгласить свою автономию⁶⁰? Что, если в течение многих поколений различные группы населения убедились в невозможности установления собственной автономии? Что, если стремление к автономии только усиливает разного рода политические и социальные противоречия, а также ограничивает возможности, и поэтому лучше без нее? В таких условиях нация находит иной способ самоопределения и культурного агентства (*cultural agency*) так, как, например, это делает *тутэйшасць* в белорусском контексте. Возможно, идентификация со своим деполитизированным и повседневным «тут» для населения

⁵⁹ Ibid. P. 39.

⁶⁰ В этом контексте речь не идет о Великом Княжестве Литовском, которое некоторые исследователи считают старобеларусским государственным образованием. «Беларусская» нация в ее современном понимании сформировалась гораздо позже. Великое Княжество было до-модерным государством и оперировало «другим», не современным набором идентичностей и поддерживающих их институций. Я нахожу спорным приводить к общему «знаменателю» чувство национальной принадлежности, существовавшее на белорусских землях в составе Великого Княжества Литовского, Речи Посполитой, Российской Империи, Советского Союза и независимой современной Беларуси. Скорее, каждая из этих государственных формаций вырабатывала свою систему идентификации и терминологию самоопределения для жителей этого региона. Т. е. значение «национальной» идентичности в этих государствах было разным, т. к. оно обслуживало разные способы политической и общественной организации.

Беларуси и было единственным способом провозгласить свою автономию, и, соответственно, получить доступ к социальной мобильности. Другие формы формирования чувства принадлежности, такие как границы (политическая территория), религия, язык, равно как и право их выбирать, принадлежали в беларусском регионе кому-то еще. В этих условиях *тутэйшыя* делали свой выбор, но это был «другой» выбор, который соответствовал *их* рациональности.

Тутэйшасць в силу своей географической «укорененности» во многом усложняет понимание канонических характеристик нации и национального государства, т.к. она акцентирует дополнительные нюансы значений и взаимосвязей понятий «народ», «нация», «гражданство» и др. Возможно, опыт *тутэйшасці*, который не просто является локальной «экзотикой», а альтернативным использованием доминирующей идеологической системы, будет полезен не только для понимания социокультурной специфики Беларуси, но и позволит пересмотреть некоторые «устоявшиеся» положения теорий национализма.